

— Брат Мянь, а ты раньше вообще фруктами торговал? — с сомнением спросил Сун Сяошу.

Е Мянь торговал. И не раз. Причём не только фруктами. Подобные расспросы задели его за живое: выходило, будто он какой-то зелёный новичок, который впервые выкатил тележку на базар и ни черта не смыслит в торговле.

А вот Сун Сяошу как раз выглядел тёртым калачом. Тот успел перепробовать кучу всего — мастерил что-то своими руками, но без лицензий и сертификатов качества в приличные магазины, супермаркеты или даже захудалые ларьки соваться не стоило. Приходилось ютиться со стихийными лотками прямо на улице. Покупатели, впрочем, находились — точь-в-точь как на обычном фруктовом развале.

Это приносило гроши, порой даже себестоимость не окупалась. Прохожие заглядывали редко, выручка выходила копеечной. Словом, уличная торговля — так себе перспектива. Да и фрукты шли со скрипом. Если товар не раскупали, приходилось тащить его обратно домой. Там они либо съедались самими, либо его мать уносила их на подарки — подружкам по картам или владельцам маджонг-салонов, а то и вовсе выбрасывала.

Выкидывала с легкостью: сама не ела и дома гнить не оставляла. Терпеть не могла, чтобы эти фрукты мозолили ей глаза. Редко когда везло наткнуться на владельца крупной лавки, готового забрать всё оптом. Пару раз такое случалось, но то была чистой воды удача — сам Е Мянь снижать цену до минимума не любил.

В этот раз они распродали только персики да мушмулу, но выручили больше, чем Мянь когда-либо зарабатывал на уличных торгах.

Поэтому он решил умерить гордость и спросил вполне миролюбиво:

— Ладно, и почём тогда, по-твоему, нам выставить черешню?

Сун Сяошу подошёл к рулю трёхколёсного велосипеда, снял висевшую там картонку, перевернул её и жирным чёрным маркером вывел:

[Мушмула: 15 юаней за полкило, 40 юаней за полтора килограмма]

[Персики: 8 юаней за полкило, 20 юаней за полтора килограмма]

Черешня стоила куда дороже, так что заманить покупателей скидкой на опт тут не вышло бы. Приходилось снижать планку.

— Брат Мянь, восемьдесят — это слишком круто, — рассудил Сун Сяошу. — На интернет-цены ориентироваться нельзя. Сходи-ка лучше по окрестным лавкам, приценись, почём они торгуют.

Е Мяннь сразу уловил мысль.

В каждом районе свои порядки. Нужно прошупать почву и скорректировать ценник. К тому же они — всего лишь двое пацанов на улице. Консервативные покупатели предпочитают проверенные магазины: там и качество гарантировано, и за свежесть переживать не надо. Чтобы переманить людей, их предложение должно быть ощутимо выгоднее, чем у конкурентов за углом.

— Давай я сбегаяю, — вызвался Сун Сяошу. — А ты тут посиди.

Е Мяннь мотнул головой:

— Нет, ты оставайся, я сам. У тебя язык лучше подвешен, будешь народ зазывать.

Он общаться не умел и лебезить перед покупателями не собирался, а вот у Сун Сяошу рот практически не закрывался, да и ласковое слово для каждого находилось.

Е Мяннь обошёл окрестности: заглянул на рынок, проверил супермаркет и парочку специализированных палаток. Выяснилось, что их изначальные цены на персики и мушмулу были аж на юань выше средних по району. То, что у них вообще хоть что-то купили по такому ценнику, он мысленно списал на глупость и слепоту местных жителей. С черешней дела обстояли ещё хуже: их прайс превышал местный в разы. В этих краях черешневых садов хватало, а они задрали ценник так, будто везли ягоду через половину страны с учётом всех транспортных расходов.

На обратном пути он уже набросал в уме новый расклад. Мушмулу отдавать по тринадцать юаней за полкило — на юань дешевле рынка, а за полтора килограмма просить тридцать семь. Персики — по шесть юаней, или пятнадцать за полтора килограмма. Черешню пришлось уценить до шестидесяти пяти юаней за полкило.

Засунув руки в карманы, Е Мяннь не спеша брёл назад. По дороге заметил ларёк и купил две бутылки ледяной воды и фруктовое мороженое — наградить Сяошу за труды.

Вдруг прямо к его ногам выкатился круглый, спелый персик.

«Какая свинья добром разбрасывается?» — подумал он и усмехнулся. Мусорить здесь было делом обычным, но персик выглядел на удивление целым — даже жалко.

Дальше по тротуару потянулись грязные следы, перемешанные с раздавленной мякотью. Впереди нарастал какой-то шум. Чем ближе он подходил, тем больше плодов валялось под ногами: покотившиеся персики, вмятые в асфальт жёлтые бока мушмулы, растоптанные тёмно-красные ягоды черешни. Весь асфальт был усыпан этой жёлто-красной кашей.

— Брат Мян! Брат Мян, наконец-то ты вернулся! Бля, брат Мян, тут такое... — Сун Сяошу подскочил чуть ли не на три метра, едва завидев его. Парень выглядел одновременно паникующим и глубоко обиженным, он захлёбывался словами, пытаясь что-то объяснить.

Е Мян молча отодвинул его в сторону и ускорил шаг.

Их синяя трёхколёсная тележка лежала на боку. Всё содержимое вывалилось на дорогу. Часть фруктов безжалостно растоптали, а уцелевшими персиками всю перебрасывались дерущиеся неподалёку парни.

Чуть впереди развернулось настоящее побоище — человек пятнадцать увлечённо мутузили друг друга. Е Мян мгновенно помрачнел. К нему, семена, снова пристроился Сун Сяошу.

— Кто это устроил? — глухо спросил Мян.

— Да вон они! — Сун Сяошу ткнул пальцем в бурлящую толпу. Две банды сошлись стенка на стенку, но сейчас всё смешалось в одну кучу-малу. Понятное дело, соваться туда в одиночку Сун Сяошу побоялся.

— Держи. Это тебе вода и мороженое, — бросил Е Мян, всучив ему покупки.

Он быстро выцепил из толпы зачинщиков. Главари банд выглядели довольно забавно: один вырядился во всё чёрное, другой — в белое. Какого чёрта они вообще сцепились? Собрались бы вместе, вышли бы отличные инь и ян, вестники смерти.

Позади каждого предводителя маячило по полдюжины шестёрок. В руках у них были биты, камни, какие-то палки и... его персики.

Твою же мать! Ну что за дегенераты!

На глазах у Мян подручный «чёрного» вожака Линь Го швырнул персик в парня из «белой» команды. Тот ловко поймал плод на лету и, недолго думая, сочно откусил.

Шестёрки с обеих сторон на секунду зависли.

— Сун Сяошу, тащи мой скейт, — скомандовал Е Мян.

Его доска лежала в кузове тележки, а при падении вылетела наружу и теперь сиротливо валялась на асфальте. Учитывая, что эта толпа без разбора пускала в ход всё, что под руку попадётся, оставалось только порадоваться, что они не заметили скейтборд и не пустили его на дрова.

Получив приказ, Сун Сяошу внезапно преисполнился безумной отваги. Этот прилив адреналина заставил его рвануть прямо в эпицентр потасовки, уворачиваясь от летящих кулаков. Он подхватил доску и попытался лихо зажать её под мышкой, как это делал Е Мянью, но трюк не удался — пришлось неловко тащить её в охапку, прижимая к боку.

На этой же волне храбрости он умудрился поднять перевёрнутую тележку и оттащить её подальше от махача, в безопасное место.

Е Мянью одобритительно похлопал его по плечу:

— Хорош. Теперь давай доску и отойди.

Перехватив скейтборд, он бросил его на асфальт, запрыгнул сверху обеими ногами и резко оттолкнулся. Колёса со свистом покатались по щербатому бетону, издавая характерный грохот.

Разогнавшись, Е Мянью взлетел на невысокий бетонный парапет у края площадки. В последний момент он спружинил и спрыгнул, а запущенная силой инерции доска снарядом полетела вперёд.

Бах!

Скейт на полной скорости врезался аккурат в спину вожака в белом — Чэн Ляна. Пока толпа ошарашенно оборачивалась на грохот, Мянью раскидал двоих попавшихся под руку шестёрок и со всего маху впечатал кулак в челюсть «белого» босса.

Он всё просчитал: «белые» вели себя наглее всех, да и персиков похватали больше. «Чёрные» хотя бы просто бросались ими, а эти ублюдки мало того что швырялись его товаром, так ещё и жрали его прямо на ходу!

Поверженный вожак среагировал мгновенно. Схватив пару крепких плюх, он взревел и полез в драку с утроенной яростью. Дерущаяся орава и главарь «чёрных» застыли в глубоком шоке, наблюдая за этим безумным поединком. Парень с надкушенным персиком так и замер с открытым ртом.

Оба противника дрались яростно, без лишних изысков — в ход шли старые добрые кулаки. Удары с глухим стуком приземлялись на лица, головы, рёбра.

Е Мянью активно подключал ноги, выдав серию тяжёлых пинков в живот противника. Тот скрючился, на секунду выключившись из боя.

Осознав, что проигрывает в простом рукопашном махаче, Чэн Лян решил сменить тактику. Он посмотрел с бешеной злобой. Он выудил из кармана кастет — этот ублюдок явно вознамерился пробить башку незваному гостю.

Однако в эту долю секунды, когда их взгляды встретились, парень в белом разглядел лицо нападавшего и оцепенел. Е Мянью же сантиментов не разводил. Воспользовавшись замешательством врага, он свалил его очередным ударом, повалился сверху и мёртвой хваткой вцепился в горло.

Адреналин зашкаливал, Мянью побагровел от ярости.

— Твою мать, ну давай, сука! Бей ещё! Ну же! — орал Мянью, окончательно слетев с катушек. — Охерели совсем, твари! Жрать мои персики вздумали?!

Он сидел верхом на противнике, методично вбивая кулаки ему в лицо — слева, справа. Лишь когда парень под ним перестал сопротивляться и обмяк, Е Мянью медленно опустил руки. Тяжёлая пелена ярости начала спадать.

Лицо Чэн Ляна превратилось в сплошное месиво из синяков и ссадин, но черты всё же угадывались. И тут Мянью присмотрелся.

Блядь. Да это же тот самый придурок, которого он неделю назад вытащил из реки!

Е Мянью разжал пальцы. Он сполз с побитого парня, отвалился назад и уселся прямо на грязный бетон, тяжело и хрипло дыша.

Чэн Лян лежал рядом, уставившись в небо, и шумно хватал ртом воздух.

Парни Чэн Ляна наконец опомнились и начали обступать Е Мянью кольцом. Кто-то заносил дубинку, кто-то сжимал в кулаке булыжник, а кто-то до сих пор тупо держал в руке надкушенный персик.

— Ты кто вообще такой, урод? Жить надоело?! — взревел один из них, замахиваясь.

Е Мянью медленно поднял голову и ожёг их таким ледяным, обещающим скорую расправу взглядом, что нападающие невольно застыли на месте. Секундная заминка сменилась бессильной злобой: этот борзый сучонок их ни капли не боялся.

— Назад! — хриплым, сорванным голосом скомандовал Чэн Лян с земли. — Я сказал: отошли от него! Оглохли?!

Шестёрки переглянулись, сообразив, что босс обращается именно к ним, и послушно отступили, хотя и продолжали злобно зыркать на Мянью.

Их предводителя уделали в пух и прах — для банды это был шок. В их головах быстро выстроилась единственно возможная логическая цепочка: этот пришелец — посланный

казачок «чёрных». Коварный план Линь Го, не иначе! Они тут же развернулись к соперникам, крепче сжав оружие. Потасовка — ладно, но за избиение Брата Чэна они были готовы пролить кровь.

— Бля, да ну вас нахер, они совсем поехали! — сплюнул Линь Го. Оценив расклад — лежащего на земле избитого Чэн Ляна, непонятного яростного бойца в стороне и нацеленные на него дубинки разъярённой толпы врагов, — «чёрный» вожак решил не искушать судьбу.

— Чэн Лян, запомни: мы ещё не закончили! — выкрикнул он напоследок и скомандовал своим отступать.

— Брат Чэн, ты как?.. — Фан Яньцин подскочил к боссу, пытаясь помочь ему подняться.

Остальные по-прежнему держали Е Мян на прицеле, держась в паре метров. Тот даже не шевелился. Один из парней незаметно нащупал в кармане складной нож, прикидывая, не передать ли его боссу, чтобы тот на месте проучил этого дерзкого выскочку.

— Не трогай меня. Линь Го свалил, так что и вы проваливайтесь, — холодно отрезал Чэн Лян.

Фан Яньцин с подозрением покосился на Мян:

— А с этим что делать?

— Я сам разберусь. Свободны.

Видя, что вожак спорить не намерен, парни не решились перечить. В конце концов, Чэн Лян ввязался во всё это только ради того, чтобы вернуть им должок от местных. Кто же знал, что откуда ни возьмись выскочит этот бешеный и отделает их лидера.

Забирая свои вещи, они потянулись прочь.

— Слушай, Фан-гэ, а ведь этот пацан мне кого-то напоминает, — негромко заговорил один из уходящих. — Я его точно где-то видел.

Фан Яньцин злобно сплюнул сквозь зубы:

— Ага, может, твоя девка на него вешалась, раз он такой смазливый? Брат Чэн сейчас не разрешил его трогать, но мы до этого ублюдка ещё доберёмся. С него шкуру спустить мало.

— Да ладно тебе, Фан-гэ, откуда у меня девка? Я серьёзно говорю, лицо у него слишком приметное. Такое хрен забудешь.

— Твою мать, ну и встреча. Какая же нелёгкая тебя принесла, — сквозь зубы процедил Е Мянью. — Что, жить надоело? Решил не топить, так подставиться под чужие ножи?

Он брезгливо цыкнул. В таких уличных разборках в ход шла не только арматура. Подростки часто таскали в рюкзаках складные ножи или заточки. Стоило кому-то сорваться и пустить сталь в ход — и этот асфальт залило бы кровью по самые края.

Чэн Лян, получивший порцию тяжёлых тумаков без видимой причины, тоже дружелюбием не отличался, пусть даже рядом сидел его спаситель:

— Повторяю для тупых: я не топился. Меня толкнули.

«Толкнули?» Если этот придурок не умеет плавать, то это уже покушение на убийство.

Е Мянью на секунду завис, переваривая информацию, и замолчал.

Чэн Ляна ломило от боли, и подниматься на ноги он пока не спешил:

— А теперь объясни, что это вообще за перформанс?

С чего вдруг Мянью на него набросился? Не мог же он пожалеть о том, что спас его неделю назад, и решить исправить ошибку своими руками. Да и на человека Линь Го он похож не был.

Убедившись, что банда убралась восвояси, Сун Сяошу аккуратно припарковал трёхколёсную тележку за углом и со всех ног помчался обратно, по пути прихватив многотрадаальный скейтборд.

— Брат Мянью, брат Мянью! Что делать будем? В полицию звонить? — запыхавшись, спросил он.

Е Мянью едва сдержался, чтобы не отвесить ему подзатыльник:

— Какую, нахрен, полицию?! Может, сразу скорую вызовешь? Чтобы нас двоих, таких красивых, с мигалками в травму увезли?

Сун Сяошу на полном серьёзе закивал:

— А, точно, давай скорую.

— У тебя голова на плечах есть или только для шапки?! Какая скорая? Дойдём до ближайшей аптеки, купим бинт да йод, сами залатаемся.

Откуда у них лишние деньги на неотложку? Никто тут не умирает.

— Сун Сяошу, дай воду.

Ледяную воду попить так и не удалось — пришлось пустить её на гигиенические процедуры. Мянью наскоро ополоснул лицо и разбитые костяшки пальцев, смывая грязь. Когда он закончил, в бутылке осталась от силы треть. Завинчивая крышку, он заметил пристальный взгляд Чэн Ляна.

Он раздражённо повёл бровью и протянул ему остатки:

— Держи. Тут немного осталось. Будешь?

Сначала вытащил из реки, теперь вот разукрасил лицо. Какая-то нелепая карма.

— Спасибо, — хрипнул Чэн Лян. Он кое-как приподнялся и принялся отмыывать ссадины. Трети бутылки явно не хватало. Сун Сяошу, всё ещё пребывавший в полубоморочном состоянии от страха, засуетился и протянул Чэн Ляну вторую бутылку:

— Вот... это... держите, у меня ещё одна есть.

Глядя на эту заискивающую мину своего напарника, Е Мянью мысленно пообещал себе прописать Сун Сяошу хорошего лекаря при первой возможности.

Чэн Лян умудрился извести на умывание полторы бутылки ледяной воды. Он лишь молча качал головой: «Ну и чистоплюй же ты, приятель».

Словно угадав его мысли, Чэн Лян спокойно ткнул пальцем в свои свежие ссадины:

— Ты меня разукрасил. С тебя деньги на лекарства.

Е Мянью вскинул брови и выдал короткий язвительный смешок.

Сун Сяошу сжался: он давно не видел у брата Мянью такой улыбочки. Несмотря на удушающую жару, у парня по спине пробежал ощутимый холодок.

— Ну и я в долгу не останусь. Твои синяки — моя работа, так что я оплачу твоё лечение. По рукам? — добавил Чэн Лян.

Мянью окончательно убедился, что этот парень слегка не в себе.

Едва сдерживая закипающую ярость, он указал на усыпанный фруктовым пюре тротуар, где вперемешку с целыми персиками валялась растоптанная мушмула и превратившаяся в кашу черешня:

— Давай-ка лучше другую арифметику прикинем. Весь этот разнос под ногами — моё имущество. И уничтожили его вы.

Чэн Лян удивлённо огляделся. Похоже, уличная точка пацанов попала под раздачу во время их разборок. Он перевёл взгляд на стоящего перед ним взъерошенного парня. Мянью со своей дикой харизмой и пудовыми кулаками вообще не вязался с образом мирного торговца персиками. Тоже мне, бизнесмен нашёлся.

— Сун Сяошу, ну-ка подтверди. Это он нашу телегу перевернул? — обратился он к напарнику.

Сун Сяошу в этот момент судорожно размышлял, не стоит ли отдать грозному боссу ещё и мороженое из кармана — задобрить, так сказать. Брат Мянью так зверски избил этого Чэн Ляна, а у того вон какая банда за спиной. Если этот авторитет решит отомстить, им несдобровать.

Вопрос застал его врасплох. Сун Сяошу вздрогнул и замахал руками:

— Нет-нет, ты что, брат Мянью! Не надо!

Е Мянью вытаращил на него глаза.

— Слышь, Сун Сяошу, тебя что, дверью контузило?! Давай я тебя тоже разок приложу, чтобы мозги на место встали. Ты же сам минуту назад орал, что это они телегу перевернули!

Сун Сяошу продолжал испуганно мотать головой:

— Да нет же, я сказал «они»! Мне кажется, это банда «чёрного» постаралась, они первые ломанулись...

«Кажется» — потрясающее по своей точности юридическое доказательство.

— Блядь, да ну вас всех нахер! Задрали! — не выдержал Е Мянью. От злости он наподдал ногой по раме несчастного трёхколёсника. Металлическая конструкция глухо зазвенела на всю улицу. Сун Сяошу вжал голову в плечи и затих, боясь издать хоть звук.

Побитый Чэн Лян, из-за которого Е Мянью потерял кучу товара и времени, чувствовал себя паршиво, но раскисать не собирался. Он подошёл со спины и крепко перехватил руку Е Мянью выше локтя:

— Пошли в больницу.

Мянь резко развернулся, намереваясь впечатать ему ещё один хук, но Чэн Лян ловко перехватил его кулак на полпути.

— Твой ущерб я возмещу отдельно, — спокойно произнёс он. — Но сначала нужно обработать раны. Или тебе нравится светить синяками?

— Руку убрал.

Никакой реакции.

— Слышь, я кому сказал руку убрать? Или тебе добавки хочется?

Хватка ослабла, и Чэн Лян отпустил его.

— Катись на все четыре стороны, но сначала верни бабки, — буркнул Мянь, не собираясь прощать долги. — Вся эта растоптанная черешня, мушмула и персики... Твои дружки ушли, так что платить будешь ты.

Здесь товара было минимум на несколько сотен юаней. Дарить такие деньги уличной шпане он не нанимался. Триста-четырееста юаней он с этого пижона стрясет в любом случае.

— Пошли со мной, там и рассчитаюсь, — Чэн Лян снова бесцеремонно сцапал его за предплечье и, проигнорировав бешеный взгляд Е Мяня, буквально потащил за собой.

Е Мянь в очередной раз поразился недюжинной силе этого парня. Ещё во время драки он прочувствовал, насколько тяжело с ним бороться — мало кому удавалось так упорно держать удар и отвечать с такой мощью, что дыхание спирало.

Сун Сяошу тоскливо посмотрел им вслед, так и не решившись предложить Чэн Ляну подтаявшее лакомство. При такой грозовой атмосфере лезть к ним под руку было чистым самоубийством. Он уныло надорвал шуршащую обёртку. Мороженое превратилось в бесформенное зелёное месиво, сквозь которое сиротливо проглядывали размякшие бобы красной фасоли.